

В марте главным событием в Сичжоу стало открытие причала в Хуцзявани.

Хуцзявань испокон веков славилась как Деревня керамики. Здесь в каждом дворе дымилась собственная печь, и не будет преувеличением сказать, что земля тут была усеяна горнами, а багровое пламя обжигало в самое небо.

Увы, двадцать лет назад страшный пожар дотла уничтожил Шэнлун-яо — древнейшую печь в округе, известную как Печь Восходящего Дракона. Пламя тогда перекинулось и на другие мастерские, так или иначе затронув каждую семью.

После этого бедствия «деревня керамики», и без того уступавшая позиции под натиском фабричного производства, окончательно пришла в упадок и исчезла с лица земли.

Но сегодня Хуцзявань вновь оказалась у всех на слуху. А обязана она была своим вторым рождением известному телеведущему Ци Тяньцзяо, который лично возглавил проект её восстановления.

Ци Тяньцзяо гремел на всю страну. Природа щедро одарила его яркой, располагающей внешностью и редким красноречием. Программы, которые он вел, охватывали, казалось, всё на свете — от кулинарных поединков и спортивных трансляций до развлекательных шоу, научно-популярных передач и хроник экстремальных путешествий.

Эрудиция и тонкое чувство юмора Тяньцзяо покорили сердца миллионов. Любое шоу с его участием мгновенно взлетало на верхние строчки рейтингов, а преданных поклонников у него было едва ли не больше, чем у популярных кинозвезд.

Публика долго гадала о его прошлом, пока в канун Нового года кто-то не задал прямой вопрос. Тогда-то за сияющим фасадом успешного ведущего и открылась подлинная история.

Оказалось, что пожар в Хуцзявани унес жизни его деда и матери. Все эти годы он упорно трудился ради одной-единственной цели — возродить родные места.

Откровение потрясло публику до глубины души. И теперь, в день долгожданного открытия, толпы людей, желая поддержать Тяньцзяо, поднялись на палубы новеньких экскурсионных теплоходов и отправились в Хуцзявань.

Стоя на причале и глядя на прибывающие толпы, Ци Тяньцзяо на мгновение забылся. Перед глазами все поплыло. Ему показалось, будто он снова стал маленьким мальчиком, у которого живы родители, а дом полнится теплом и уютом.

Хуцзявань хранила в себе крупицы его самого счастливого времени. Эта память вела его вперед долгие двадцать пять лет. Сквозь боль, отчаяние и невыносимые трудности он упорно шел к своей цели.

И вот наконец мечта сбылась.

Вглядываясь в знакомую с детства праздничную суету, он почувствовал, как к горлу подкатывает горько-сладкий ком. Внезапно перед глазами все потемнело.

Последним, что он уловил перед тем, как лишиться чувств, были испуганные выкрики толпы: «Тяньцзяо!», «Ци Тяньцзяо!», «Тяньцзяо, что с тобой?!»

Нет, раньше его звали совсем иначе...

Он крепко зажмурился.

Спустя вечность сквозь плотную пелену забытья пробился тихий, до боли знакомый голос:

— Сяо Лан!

На душе мгновенно полегчало.

Все эти долгие, мучительные годы он, кажется, жил лишь ради того, чтобы вновь услышать это имя.

В те далекие времена его звали Нин Сянланом.

Тогда беда еще не постучалась в их двери.

Хуцзявань, Печь Восходящего Дракона

— Великолепно! Какая тонкая работа! — Ху Дэлай, поглаживая седую бороду, с восхищением вгляделся в узор и в восторге хлопнул ладонью по столу. — Этот мчащийся табун выглядит как живой! Просто загляденье!

Мастерская Ху Дэлая была самой крупной в округе. Легендарная Печь Восходящего Дракона — Шэнлун-яо — тянулась вверх по склону холма более чем на восемьдесят метров, напоминая извивающегося гигантского ящера, устремленного ввысь. Благодаря уникальной конструкции, повторявшей рельеф горы, печь быстро разогревалась и так же быстро остывала после обжига. На протяжении многих десятилетий она оставалась сердцем керамического промысла Хуцзявани.

Как раз в этом году мастер готовился отпраздновать шестидесятилетний юбилей, и тут его

старший сын, Да Мин, преподнес отцу царский подарок — вынул из горнила истинное «сокровище печи». От такого доброго предзнаменования старик так и расплылся в улыбке.

Настоящие сокровища рождаются благодаря капризам огня — яобянь, или печному превращению. Этот непредсказуемый процесс всегда таит в себе риск: пламя может наградить изделие неизлечимой «печной болезнью», сделав глазурь тусклой, грязно-желтой или вовсе расколов глину на куски. Но если мастеру улыбнется удача, рождается шедевр. Глазурь покрывается невероятными переливами красок, которые складываются в неповторимые, причудливые картины.

Новое творение Да Мина стало именно таким сокровищем: на блестящем боку сосуда отчетливо проступили очертания несущихся коней. Глубокий, чистый цвет завораживал, не позволяя отвести взгляд.

— Добрый знак, замечательный знак! — приговаривал довольный хозяин, продолжая перебирать волосы в бороде.

Не успел он закончить фразу, как в дверях показался запыхавшийся соседский паренек.

— Лао Ху! Беда! Скорее зовите врача! Вернулась Линцуй с Сяо Ланом, мальчику совсем худо!

Старик так и подскочил на месте:

— Что стряслось?! Быстро пошлите за врачом Сюэ!

Хоть дом его и ломился от детей и внуков, маленький Сяо Лан всегда оставался любимчиком. Мальчик рос удивительно славным: личиком — вылитая мать в детстве, такой же ладный да румяный, а умом пошел в отца. Смышленный, шустрый, он мгновенно очаровывал любого. Стоило ему приехать, как вся местная ребятня гурьбой бежала встречать дорогого гостя.

И с чего вдруг любимый внук захворал?

Схватив в охапку старшего сына, Ху Дэлай бросился к выходу. На привокзальной скамье они увидели встревоженную Ху Линцуй. На руках она бережно сжимала завернутого в одеяло Сяо Лана.

Заметив родных, женщина едва не расплакалась:

— Папа, брат! Наконец-то вы тут!

Отец лишь коротко кивнул и бросился к внуку. Взгляд его тут же упал на белую повязку, закрывавшую лоб мальчика. Сердце у старика кровью облилось.

— Боже мой, что с ним?! Как же вы так не уберегли?

Линцуй гневно поджала губы:

— Аньго сейчас на учебе в столице. Из его родной деревни прислали весть, будто свекрови совсем худо. Делать нечего, собрала я Сяо Лана, поехали навесить. И что в итоге? Не пробыли там и полудня, как нашего мальчика толкнули! Он упал навзничь и сильно ударился головой о камень!

Её муж, Нин Аньго, занимал должность главного технолога на Первом производственном заводе Сичжоу и частенько уезжал в командировки для повышения квалификации.

— Кто посмел?! — грозно спросил Ху Дэлай, мигом почуяв неладное.

— Двоюродный братец его, Сяо Юань! Маленький тиран, житья от него никому нет! — возмущенно воскликнула дочь. — А свекровь еще защищает его, поет старую песню: «Он же еще дитя, глупый, не понимает ничего». Кого она обмануть пытается?! Этот лоботряс на целых два года старше нашего! Утром трогаю лоб Сяо Лана — а он так и горит. Потребовала вызвать фельдшера, так эта старая карга давай причитать, что услуги нынче дороги и можно обойтись народными средствами. Я терпеть этот бред не стала, забрала сына и уехала к вам!

От таких речей у Дэлая кулаки зачесались.

— И что, сватья опять пальцем сорванца не тронула?

— Разумеется! — лицо Линцуй сделалось суровым. — Что же, пускай балует дальше. Погляжу я, какого мерзавца она вырастит с таким воспитанием!

Ху Дэлай сокрушенно покачал головой. О несносном характере и предвзятости сватьи он знал не понаслышке. Ладно бы речь шла о пустяках, но сквозь пальцы смотреть на то, как калечат другого ребенка — это уже край. Так недолго и до тюрьмы парня довести!

Впрочем, за дочь он не переживал. Хотя с виду Линцуй и казалась тихой, покладистой женщиной, характер у нее был с перчинкой — себя и своего ребенка в обиду она никогда не давала.

— Идем в дом, — мягко скомандовал отец. — Мальчику нужен покой, не хватало еще осложнений от жара получить.

Почувствовав поддержку родных стен, Линцуй облегченно вздохнула и поспешила следом за отцом и братом.

Едва они уложили Сяо Лана в постель, как в комнату торопливо вошел Врач Сюэ.

— Доктор, умоляю, скажите, все очень плохо? — засыпала его вопросами встревоженная мать.

— Тихо, тихо, без паники, — ласково осадил её врач. — Дайте мне сначала осмотреть рану.

Он склонился над постелью и потянулся к лицу Сяо Лана, собираясь приподнять его веко, но в этот момент мальчик внезапно открыл глаза.

На самом деле Сяо Лан давно уже пришел в себя и лежал неподвижно, прислушиваясь к голосам. Вот только в детском теле сейчас находился не шестилетний ребенок. Это была израненная душа, долгие годы блуждавшая в темноте одиночества, — душа взрослого человека, заброшенная сюда прямым из будущего, через четверть века. И сейчас этот пришелец искренне верил, что грезит наяву.

Все эти годы он звался Ци Тяньцзяо. Любимец судьбы, баловень экрана — так шептались за его спиной восторженные зрители. Но мало кто знал, что под этой маской скрывался глубоко несчастный, брошенный всеми сирота.

Родной дом, счастливое детство, любящую семью — все это у него отобрали в один миг ровно двадцать лет назад. Семь тысяч мучительных дней и ночей его согревала лишь одна навязчивая мысль: возродить Хуцзявань во что бы то ни стало.

И вдруг он видит перед собой живого, еще не состарившегося дедушку Ху Дэлая. Видит маму, молодую и здоровую... Сердце бешено заколотилось, кровь прилила к вискам. Справиться с нахлынувшими чувствами было выше его сил.

"Это сон, просто чудесный сон!" — билось в голове.

Сколько ночей подряд он блуждал по закоулкам памяти, тщетно пытаясь вернуть эти мгновения, преодолевая в грезах крутые горы и бурные реки!

Сяо Лана одновременно душили слезы и распирал безумный смех.

Решив, что ребенок просто испугался чужого человека после пережитого потрясения, Линцуй отстранила доктора и крепко прижала сына к груди.

— Сяо Лан, маленький мой, не бойся. Мама с тобой.

Его крохотное тело пробил дрожь. Объятия матери были такими теплыми, такими осязаемыми, настоящими!

Мальчик порывисто обнял её за шею. Ему до безумия хотелось закричать, позвать маму, но это простое слово не слетало с губ уже больше тридцати лет. Горло перехватило спазмом, он не смог вымолвить ни звука и лишь крепче, изо всех детских сил, вцепился в её одежду.

Его крохотные ладошки взмокли от холодного пота. Он до смерти боялся, что видение вот-вот растает без следа.

Сердце матери разрывалось от жалости. Она ласково гладила его по вздрагивающей спине и шептала:

— Не бойся, глупенький, все хорошо. Мама здесь, мама больше никому не даст тебя в обиду.

Эти в точности совпавшие с далекими воспоминаниями слова пробили последнюю брешь в его обороне. Из глаз брызнули слезы.

Сколько же лет прошло! Боже, сколько бесконечных лет!

С тех пор как беспощадный огонь обратил Хуцзявань в пепелище, он лишился этого простого счастья.

"Если это всего лишь иллюзия, пусть я никогда больше не проснусь. Я согласен умереть прямо здесь, в этом сне!"

Сяо Лан зажмурился, позволяя слезам свободно катиться по щекам. Напряжение было слишком велико для слабого детского организма. Силы стремительно покидали его, веки отяжелели.

Сознание вновь начало угасать, утягивая его в глубокий, целительный сон.

Перепуганная Линцуй, заметив, что сын снова впал в забытие, попятилась и уступила место доктору.

Врач осторожно взял мальчика за руку. Прислушавшись к пульсу, он удивленно приподнял брови: биение сердца становилось ровным и спокойным. Чудеса, да и только!

Он коснулся губами лба ребенка — жар спал.

Сюэ аккуратно размотал бинты, осмотрел рану под ними и облегченно выдохнул:

— Горячка прошла. Мальчик просто сильно перепугался, оттого так и льнет к тебе. Побудь с ним рядом, успокой, и все наладится. Но помни: рана на голове требует ухода, перевязки делай

очень аккуратно.

У матери отлегло от сердца. Расспросив врача обо всех тонкостях ухода, она осыпала его благодарностями и проводила до порога.

Ху Дэлай тут же повернулся к старшему сыну:

— Да Мин, сходи-ка на кухню, разогрей чего-нибудь для сестры. Она ведь с самой дороги крошки во рту не держала.

— Сию минуту, отец! — бодро отозвался тот. — Потерпи немного, Линцуй, я мигом!

Забота близких согревала душу. Проводив брата улыбкой, женщина опустилась на край постели. Она ласково, размеренно принялась гладить Сяо Лана по спине, тихо напевая старую колыбельную:

— Баю-бай, Сяо Лан, баю-бай... Мама здесь, ничего не бойся...

<http://bllate.org/book/20435/2112698>